

СЛАДЕНЬКИЙ ВАЛУН

Яков проработал честно все сорок положенных лет. Он рыл колодцы и находил людям воду там, где, казалось, ее быть не могло. Великое восстание неживых, смута, закат лет Господних настигли его незаслуженной карой в последние его годы, которые он должен был провести в сытости и безопасности. В ночь первых мертвецов, когда отчаянье еще не расплзлось по городу, только непонимание, старик Яков понял все, и понял первым. Он попросил жену выключить радио.

- Надо нам ехать, моя хорошая.
- Сейчас? – испуганно спросила Элла.

Яков кивнул.

- Но куда? – Элла опустила на стул и собралась было вить, но продышалась и проглотила неродившийся плач.

Прежде она так поступала только при весточках о смертях. Она была напугана. Элла давно не выходила за пределы комплекса. Еду доставляли курьеры. Яков добывал деньги. Улицу она не любила.

- Собирай детей, – проговорил высокий старик.

Он говаривал редко. Но если и случалось открывать рот не для хлеба, то говорил он только по делу.

Дети собрались быстро – старшие, взрослые уже, близнецы призывного возраста, и тринадцатилетняя Ларочка, стариковское счастье, «род-

ничок», как звала ее Элла, когда гладила перед сном ее по не стриженным с рождения волосам.

Чемоданы грузили в ночь. Яков не хотел лишних вопросов соседей. Опередить прочих – только это сулило жизнь. Братья снесли канистры с бензином, набранным вечером, муку, воду. Много воды. Забили консервами багажник и третий ряд. Сухофрукты, семена в мешках, инструменты, топоры, орехи, белье и одежду повязали на крышу. Наличные деньги Яков бросил на кухонном столе. «Нету им больше цены», – понял он и прятать в книгах не стал. Сонная Ларочка взяла куколку, ее братя – ружья, упитанную Эллу обмотали ремнями с патронами. Яков хотел было помолиться перед дорогой, но понял, что забыл, как это делается, и только молча обвел квартиру мокрыми глазами, помолчал с полминуты, выговорил: «Ну вот», – и вышел в двери, хотя хотел сказать: «С Богом». Хотел, да постеснялся. Ключи легли поверх купюр. Окна затворить не потрудился.

На шестой день, в конце бензина, Яков велел сыну заглушить двигатель. Розовый валун с блестящими жилами привлек его внимание.

- Здесь, – сказал Яков, вышел и потянулся.

Здесь и остались, за сотни миль от человека. Нашлась река и рыба в ней; грибы, орехи. Лес ломился жизненной силой. К первой зиме настроляли лис на мех и винторогих козлов на пищу. Яков

одомашнил куропаток, в полгода выстроил высокую изгородь, крепкую, из кольев. В день вкапывали по колу, завалив на рассвете сосну. Элла высадила грядки и читала Ларочке все три книги, что увезла с собой.

В редкий выходной Яков удил и, когда солнце качалось на мелкой волне, позволял себе спокойную мысль, что все это – навсегда. Что спасены. Что покой. Думать о других людях он себе запретил, запретил и упоминать прежнюю жизнь и жене, и детям. За ужином говорили о прошедшем дне, о завтрашнем хлебе, а после мирно спали в сколоченном двухкомнатном доме. В первой половине спал Яков с сыновьями, во второй – Элла и Ларочка.

Беда пришла летом, в жару, уже после года отшельничества, уже когда стояли на земле теплицы, хлев и уборная с деревянным подземным желобом, уходящим к утесу над рекой. Заболел сын. С утра первый, а к вечеру хворь перекинулась на второго. Элла и Ларочка ушли спать в проржавевшую машину. Яков дал им хлеба, соленой козьей спинки и канистру воды и велел до выздоровления сыновей не совать в дом носа. Оба юноши горели и бредили. К ночи старший встал на четвереньки и уподобился зверю в своем лае. Яков испугался и кинулся его успокаивать, но тот вдруг обмяк, завалился на бок и замер. Сын Якова потух и стал быстро остывать. Отец вытащил того за ноги и выволок за ворота. Так к рассвету появилась в их убежище первая могила, вырытая старческими руками. Элла смотрела на мужа и тихо выла, закусив запястье до крови, чтобы не разбудить Ларочку.

Яков воротился. Руки его были в земле. Под длинными ногтями черно. Он понял, что ждет его последнего сына, и повалился. Перед ним, как и в день приезда, заблестел валун. Он нагревался от первых лучей, и Яков уселся на нем, обхватил – будь он родным – и долго-долго мыл камень обжигающими щеки слезами. Капельки сохли, не оставляя после себя ничего, и когда выплакался Яков, встал, собрался и пошел в дом, готовый хоронить второго. Яков вошел в дом тяжелым шагом и с боязливым любопытством ступил в комнату, в которой так недавно корчился первый. Но второй сидел, вращая по сторонам глазами, удивлялся, где брат его, и просил есть. Старик бросился к сыну, целовал того в холодный лоб и смеялся. Вечером, после поминального ужина и домашнего сливового вина, он вышел затемно, огляделся, убедился, что невидим, что слился с ночью, и по-

лил бесценным вином валун. «Спасибо», – шепнул он и направился спать.

Вторая беда пришла следом, как приходили счета в прежней жизни. Не зазеленела еще могила сына, как ссохлась и потрескалась земля. Пришла небывалая засуха. Элла обхватила голову – все погорело, все! И все, что в теплицах, и что на грядке. Самодельные кадки трещали от пустоты. Дождя не было сорок дней. Старый Яков таскал по канистре с речки, последний сын нес по две. Птицам хватило, но не земле. Та пила, пила и все не насыщалась. Сын еще сходил несколько раз к берегу, а вот Яков уже не ходил. Он поглаживал свои седые длинные волосы и думал, думал, думал...

Когда запыхавшийся сын притащил еще воды и собирался было полить грядку репы, отец остановил его и прогнал: «Ступай к матери и сестре». Мучимый жаждой, облитый потом, Яков преодолел соблазн и, не приникнув к горлышку, все, все вылил на валун. Он поливал его и радовался, как тот умывался от пыли. Как засветился он. Как побежали по его покатым бокам ручьи.

– Пожалуйста! – попросил Яков камень, похлопал по нему ласково, как по лошадиной морде, и украдкой поцеловал в розовое темя.

В тот день он велел домашним не работать, а разойтись еще дотемна спать. «Ежели поможет, научу их молиться», – думал Яков.

Он заснул сидя на лавке, чего прежде с ним не бывало. Разбудил его взрыв. Летняя ночь разорвалась, как бывало только в войну.

– То гроза! – выбежал за порог Яков. – Гроза! – расхохотался он.

Дождь шел семь дней и ночей, напоив его землю, утолив ее и заполнив все бочки и корыта.

Прочих бед не случалось долго. Но Яков знал теперь, что камень надо не упрашивать в беду, но благодарить ежедневно – за мир, в котором он пребывает, и за хлеб, который валун ему дает. По вечерам Яков стал работать на благо камня. После жатвы он не щадил себя, как поступали сын и жена. Не шел в дом. Он пил сполна, лежал с полчаса на траве, благодарил камень за воду и принимался строить тому храм. Мысль задобрить валун пришла старику во сне. Снилось ему, что стоит он ночью в огороде голый и молодой, а мимо него сыплются со звездного неба камни, и у того камнепада был голос: «Построй нам дом, – свистели гранитные шары, – с крышей и дай нам тень и прохладу в лето и в зиму тепло».

Целый месяц Яков поддевал веревки под валун и переворачивал его. Подкопанный, высвобожден-

ный камень поддался и перелег лицом на новый фундамент из кольев. Яков мыл замшелые бока, земляную спину, мыл и плакал от умиления – до того прекрасны были открывшиеся ему узоры.

Достроить камнев дом старик не успел. Сын похоронил отца под будущим крыльцом храма. При жизни дом валуна разросся, обзавелся кровлей, комнатами – крыльями без окон, для молчаливого думанья. Через долгое время сын подложил к Якову жену его, а через еще несколько десятилетий Лара упокоила сына с родителями.

Мор и восстания сходили на нет в городах. К одинокой Ларе прискакали первые гонцы с весточкой об общей вольнице. От нее гонцы и узнали про землю, где все растет и где всего вдоволь, и про валун, спасший ее и ее семью. Люди дивились вести о выжившей в глуши женщине. Слухи множились на рассказы, и когда история о камне, сохранившем живых, разошлась по стране, как расходятся из монетного двора деньги, к уже старой и слепой Ларочке пришли на поклон первые поклонисты. Были они с посохами и фотографиями розового валуна. Они остались.

Ларочка умирала в кругу своих, памяти о городе в ней не осталось. Она просила служителей снести ее к камню и, отказавшись от питья и еды, в последние свои дни лежала на оном и молила его о встрече с отцом ее, Яковом. И тогда засвидетельствовали жрецы и прочие служки чудо. Валун как будто услышал Ларочку и задул в ней жизнь. На камне и умерла она. И в ногах его была погребена. И не могла бы она при жизни своей представить, как разрастется дело, как разлетится весть, как сотни лет спустя на сцене великого дома будет петь женский хор: «0! 0-о-о! Сладенький валун! 0! 0-о-о! Сладенький валун!» – и хлопать в ладоши после каждого припева.

